

ПРИГЛАШЕНИЕ В МИР НАДЕЖДЫ

Мы живем в темные времена.

Во многих частях мира происходят вооруженные конфликты, имеет место расовая и религиозная дискриминация, совершаются преступления на почве ненависти, террористические акты; политический перекокс в крайне правые позиции провоцирует демонстрации и протесты, которые слишком часто заканчиваются насилием. Увеличивается разрыв между богатыми и нищими слоями населения, что вызывает гнев и волнения. Во многих странах демократия находится под угрозой. Вдобавок ко всему, пандемия COVID-19 стала причиной многочисленных страданий и смертей, привела к потере рабочих мест и экономическому хаосу во всем мире. Еще большую угрозу нашему будущему — по сути, всей жизни на Земле, какой мы ее знаем, — представляет собой климатический кризис, временно отодвинутый на задний план.

Изменение климата — это не то, что может повлиять на нас в будущем, оно оказывает на нас воздействие уже сейчас. Климатические условия по всему миру меняются, вызывая таяние льдов, повышение уровня моря и катастрофически мощные ураганы, торнадо и тайфуны. Наводнения становятся сильнее, засухи — более длительными, в разных уголках земли вспыхивают разрушительные пожары. Впервые в истории пожары были зафиксированы даже за Полярным кругом.

«Джейн почти девяносто лет, — можете подумать вы. — Как она может продолжать писать о надежде, зная, что творится в мире? Похоже, она просто выдает желаемое за действительное. Она закрывает глаза на факты».

Я не закрываю глаза на факты. Вовсе не редки дни, когда я признаюсь себе, что у меня опускаются руки. Дни, когда кажется, что усилия, борьба и жертвы столь многих людей, выступающих за социальную и экологическую справедливость, бросающих вызов предрассудкам, расизму и корысти, ни к чему не приведут. Силы, бушующие вокруг нас: жадность, коррупция, ненависть, слепые предрассудки — это такие силы, рассчитывать на победу над которыми, возможно, глупо. Вполне объяснимо, что бывают дни, когда мы чувствуем, что нам ничего не осталось, кроме как сидеть сложа руки и смотреть, как конец света наступает «со всхлипом, а не взрывом» (Т.С. Элиот).

За последние восемь десятилетий мне довелось стать свидетелем таких трагедий, как теракт 11 сентября, стрельба в школах, взрывы смертников и других подобных ужасных событий, и мне знакомо отчаяние, которое они могут вызвать. Я выросла во время Второй мировой войны, когда над миром нависла угроза захвата Гитлером и нацистами. Я пережила гонку вооружений холодной войны, когда миру угрожала термоядерная катастрофа, и ужасы многочисленных конфликтов, обрекших миллионы людей по всему миру на мучения и смерть. Как и все люди, которые живут на этом свете достаточно долго, я пережила немало мрачных периодов и видела множество страданий.

Но каждый раз, когда я впадаю в отчаяние, я вспоминаю удивительные истории мужества, стойкости и решимости тех, кто борется с «силами зла». Ибо да, я верю, что среди нас есть зло, но голоса тех, кто противостоит

этому злу, куда более убедительны и вызывают воодушевление. И даже после смерти этих людей их голоса еще долго звучат, вселяя в нас вдохновение и надежду — надежду на высшую добродетель этого странного, противоречивого человеческого существа, которое произошло от обезьяноподобных предков около шести миллионов лет назад.

С тех пор как в 1986 году я начала путешествовать по миру с целью повышения уровня информированности о социальном и экономическом вреде, причиняемом человечеством, я встречала множество людей, которые говорили мне, что потеряли надежду на будущее. Молодые люди были особенно озлоблены, подавлены или просто апатичны, потому что, по их словам, мы поставили под угрозу их будущее, и они чувствуют, что ничего не могут с этим поделать. На самом деле мы не только подвергаем риску, но и вовсе отнимаем у них будущее, ведь мы безжалостно грабим ограниченные ресурсы нашей планеты, не заботясь о последующих поколениях. Но я не считаю, что уже слишком поздно что-то предпринимать, чтобы исправить положение.

Пожалуй, самый частый вопрос, который мне задают, таков: «Вы действительно верите, что у нашего мира есть надежда? Надежда на будущее наших детей и внуков?»

И я могу искренне ответить: «Да». Я считаю, что у нас все еще есть промежуток времени, в течение которого мы можем начать исправлять последствия вреда, нанесенного планете. Но этот промежуток становится все короче. Если нам безразлично будущее наших детей и их потомков, если мы беспокоимся о благополучном состоянии окружающего мира, мы должны объединиться и действовать. Прямо сейчас, пока не стало слишком поздно.

Что это за «надежда», в которую я все еще верю и которая побуждает меня продолжать борьбу за правое

дело? Что я на самом деле подразумеваю под «надеждой»?

Надежду часто понимают неправильно. Люди склонны думать, что это просто пассивное принятие желаемого за действительное: я надеюсь, что что-то произойдет, но я ничего не собираюсь для этого делать. На самом деле истинная надежда — это полная противоположность такого мышления, она требует действий и вовлеченности. Многие люди осознают, что планета находится в плачевном состоянии, но ничего не предпринимают, потому что чувствуют беспомощность и безнадежность. Вот почему эта книга важна. Я надеюсь, что она поможет людям осознать, что их действия, какими бы незначительными они ни казались, на самом деле имеют значение. Совокупный эффект тысяч этических действий может помочь сохранить и улучшить наш мир для будущих поколений. А зачем нам предпринимать действия, если мы по-настоящему не надеемся, что они что-то изменят?

В этой книге я изложу причины, по которым я сохраняю надежду в эти темные времена, а пока я хотела бы отметить, что без надежды все потеряно. Это важное для выживания свойство, которое поддерживало наш вид со времен наших предков каменного века. Определенно, не будь у меня надежды, не состоялось бы и мое собственное невероятное путешествие.

Все это и многое другое мы обсуждаем с моим соавтором Дугом Абрамсом на страницах этой небольшой книги. Дуг предложил написать книгу в формате диалога, подобно «Книге радости», написанной им в соавторстве с далай-ламой и архиепископом Десмондом Туту. В следующих главах Дуг выступает в роли рассказчика, повествующего о беседах, которые происходили между нами в Африке и Европе. Благодаря Дугу я теперь могу

поделиться с вами тем, что я узнала о надежде за свою долгую жизнь и в процессе изучения мира природы.

Надежда заразительна. Ваши действия будут вдохновлять других. Я искренне желаю, чтобы эта книга помогла вам найти утешение во времена страданий, послужила ориентиром в периоды неопределенности, придала мужества в минуты страха.

Мы приглашаем вас присоединиться к нам в этом путешествии к надежде.

Джейн Гудолл, доктор философии, Дама-командор ордена Британской империи, Посланник мира ООН

I

ЧТО ТАКОЕ
НАДЕЖДА?

ВИСКИ И СУАХИЛЬСКИЙ БОБОВЫЙ СОУС

Дело было вечером, накануне дня, когда мы должны были начать наши беседы. Я нервничал, потому что на кону стояло многое. Мир, казалось, нуждался в надежде больше, чем когда-либо, и с тех пор, как я связался с Джейн, чтобы предложить ей поделиться своими причинами для надежды в новой книге, тема надежды занимала все мои мысли на протяжении нескольких месяцев. Что такое надежда? Почему она у нас есть? Реальна ли она? Можно ли взрастить в себе надежду? Действительно ли человечеству есть на что надеяться? Я понимал, что мне предстоит задавать вопросы, над которыми мы все ломаем голову, когда сталкиваемся с трудностями, а порою и отчаянием.

Джейн — героиня мирового уровня, которая десятилетиями путешествовала по разным странам как посланница надежды, и мне очень хотелось понять ее уверенность в будущем. Кроме того, я хотел узнать, как она сохраняла надежду на протяжении своей полной вызовов жизни первопроходца.

Когда я с энтузиазмом и волнением готовил вопросы, зазвонил телефон.

— Не хотели бы вы прийти к нам на семейный ужин? — спросила Джейн.

Я только что прилетел в Дар-эс-Салам и сказал ей, что буду рад присоединиться к ужину и познакомиться с ее семьей. Мне представилась возможность не просто встре-

титься с кумиром, но и увидеть ее в роли мамы и бабушки, преломить хлеб и, как я подозревал, глотнуть виски.

Найти дом Джейн было непросто, потому что у него нет адреса. Ее дом находится рядом с большим жилым комплексом Джулиуса Ньерере, первого президента Танзании, и к нему ведет несколько проселочных дорог. Такси безуспешно колесило по заросшим деревьями окрестностям, пытаясь найти нужный въезд, и я боялся, что могу опоздать. Красное солнце быстро садилось за горизонт, а уличных фонарей, которые могли бы осветить нам путь, там не было.

Когда мы наконец нашли дом, Джейн встретила меня у дверей теплой улыбкой и пронизательным взглядом широко распахнутых глаз. Ее седые волосы были собраны в хвост, а одежда — зеленая рубашка на пуговицах и брюки цвета хаки — немного напоминала униформу смотрителя парка.

На ее рубашке я увидел логотип Института Джейн Гудолл (JGI) с символикой организации: профиль Джейн, шимпанзе, стоящая на четвереньках, лист, символизирующий природу, и рука, символизирующая людей, которые, как обнаружила Джейн, нуждаются в защите не меньше, чем шимпанзе.

Джейн восемьдесят шесть, но необъяснимым образом она будто бы не так уж и постарела с тех пор, как впервые побывала в Гомбе и украсила обложку *National Geographic*. Я задался вопросом, а что если именно надежда и предназначение делают человека вечно молодым?

Но больше всего бросается в глаза воля Джейн. Она сияет в ее карих глазах, как природная сила. Это та самая воля, которая впервые побудила ее пересечь пол земного шара для изучения животных в Африке и продолжала подвигать ее на путешествия в течение последних трид-

цати лет. До пандемии Джейн более трехсот дней в году читала лекции об опасности разрушения окружающей среды и потери среды обитания. Наконец—то мир начинает прислушиваться к ее словам.

Я знал, что Джейн любит выпить виски по вечерам, и принес ей бутылку ее любимого «Джонни Уокер» с зеленой этикеткой. Она любезно приняла его, но позже отметила, что лучше бы я купил более дешевый виски с красной этикеткой, а остаток денег пожертвовал ее экологической организации, Институту Джейн Гудолл.

На кухне Мария, ее невестка, приготовила танзанийские вегетарианские блюда: кокосовый рис с густым суахильским бобовым соусом; чечевицу и горох с добавлением молотого арахиса, карри и кориандра и обжаренный шпинат. Джейн, по ее словам, нет дела до еды, но я не могу сказать того же про себя, и я с удовольствием предвкушал угощение.

Джейн поставила мой маленький подарок на стол рядом с гигантской бутылкой виски «Феймос Граус» объемом четыре с половиной литра. Взрослые внуки преподнесли ее Джейн в качестве сюрприза. Они пояснили, что покупать виски оптом намного дешевле, и этой бутылки точно должно хватить на время, пока она у них гостит. Внуки Джейн живут в доме в Дар-эс-Саламе, куда Джейн переехала, когда вышла замуж второй раз, хотя в те дни большую часть времени она все еще проводила в Гомбе. Теперь Джейн останавливается в этом доме только во время своих коротких визитов в Танзанию два раза в году и остается здесь только на несколько дней, а потом отправляется в Гомбе и другие города Танзании.

Для Джейн вечерняя порция виски — это ежедневный ритуал и возможность расслабиться, а иногда и пообщаться за бокалом с друзьями.

— Все началось, — рассказала она, — с того, что мы с мамой каждый вечер, когда я была дома, выпивали вместе по глотку виски. Потом мы продолжили поднимать бокалы друг за друга в семь часов вечера, в какой бы части света я ни была.

Кроме того, Джейн обнаружила, что, когда ее голос сильно устает от слишком большого количества интервью и лекций, небольшой глоток виски поддерживает голосовые связки и позволяет выдержать лекцию до конца. «И, знаете, — сказала Джейн, — четыре оперных певца и один популярный рок-исполнитель поделились со мной, что им тоже помогает этот способ».

Я сидел рядом с Джейн за столом на открытом воздухе на веранде, она и ее родные смеялись и рассказывали истории. Окружавшая нас густая бугенвиллия в свете свечей казалась настоящим лесным пологом.

Мерлину, старшему внуку Джейн, двадцать пять лет. Несколько лет назад, когда ему было восемнадцать, после бурной ночи с друзьями он нырнул в пустой бассейн. Он сломал шею, и эта травма заставила его изменить свою жизнь, забыть про вечеринки и, подобно сестре Эйнджел, вслед за бабушкой заняться сохранением природы. Джейн, скромный матриарх, сидела во главе стола, и было нетрудно заметить ее гордость.

Джейн намазала лодыжки репеллентом от комаров, и мы пошутили, что уж комары — далеко не вегетарианцы.

— Только самка сосет кровь, — заметила Джейн. — Самцы живут, питаясь одним нектаром.

С точки зрения натуралиста, кровососущие комары были просто матерями, которые пытались добыть кровавое пропитание, чтобы прокормить свое потомство. Однако это не то чтобы повлияло на мою неприязнь к этим историческим врагам человечества.

Когда семейные истории иссякли и в разговоре наступила пауза, я хотел задать Джейн вопросы, которые занимали меня с тех пор, как мы впервые решили вместе написать книгу о надежде.

Как несколько скептически настроенный коренной житель Нью-Йорка, я должен был признать, что относился к надежде с подозрением. Она казалась мне слабой реакцией, пассивным принятием: «Давайте надеяться на лучшее». В моих глазах надежда была панацеей или фантазией. Умышленным отрицанием или слепой верой, за которую можно цепляться, закрывая глаза на факты и мрачную реальность жизни. Я боялся ложной надежды, этой опрометчивой обманщицы. Даже цинизм в каком-то смысле казался мне безопаснее, чем риск, с которым сопряжена надежда. И разумеется, более полезными реакциями мне казались страх и гнев, способные обратить внимание на грядущую опасность, особенно во времена кризиса, подобного нынешнему.

Помимо всего прочего, я хотел знать, в чем разница между надеждой и оптимизмом, теряла ли когда-нибудь Джейн надежду и как нам удастся сохранять надежду в трудные времена. Но все эти вопросы пришлось отложить до следующего утра, так как было уже поздно и званый ужин подошел к концу.

РЕАЛЬНА ЛИ НАДЕЖДА?

Когда я, уже чуть менее взволнованный, вернулся на следующий день, чтобы начать наш разговор о надежде, мы с Джейн расположились на веранде на деревянных складных стульях, старых и крепких, с сиденьями и спинками из зеленого холста. Мы смотрели на задний двор, настолько заросший деревьями, что едва ли можно